

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

ЭХО РОДНОЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

ОСТАЛОСЬ НА ПАМЯТЬ

Ещё сочно, твёрдо держатся листья свёклы, раскрываются в холодном золоте света цветочки календулы, но вот к вечеру полетел по ветру дождь, настало в комнатах, завтра утром надо бы растопить печку. Перед сном перебирал газеты, косился на телевизор и, притомившись, подумал: многого уже никогда не прочту, а телевизор включать больше не буду. Хорошо сидеть в тишине в хате и не бесить душу ничем посторонним. Пусть киснут дожди, падает снег, устрашают морозы: может, побольше прочту священных книг, да и сам что-нибудь напишу.

Но утро развиднялось ласково, проглянуло солнышко, и опять посвежели листочки календулы, и соком наливались листья свёклы.

Я пошёл к морю. Тишина садов и огородов несравнима со смиренным одиночеством воды и неба; но тишина звучит своей немотой так музыкально, прощально, а уж дальняя тишина у тёмной косы на западе ещё загадочней, нежнее. Тишина всегда куда-то зовёт, проникает в наши тайные воспоминания, считает наши годы, потери, приближает друзей и любимых. Я ухожу, услышу стук в чьём-то дворе, голоса, шум машин у дороги, а на берегу нетронутой вечностью будет держаться молчание.

Ночью ярким появится месяц над садом, и, когда я пойду спать в хату, он уже обойдёт трубу, высокий орех и повиснет над камышом за соседским огородом.

А матушка не встанет с койки, не пройдёт по двору к кухне и не скажет, как раньше: “Там пирожки под полотенчиком. Не хочешь с чаем?” Лежит она в своей комнатке и страдает, терпит, не жалуется. Войду, наклонюсь к ней, она по-родному погорюет со мною взглядом, даже как будто повинится, что такая беспомощная.

ДЛЯ СЕБЯ

Господь послал мне два редких счастливых дня.

До обеда посидел вдоволь перед маленьким окошком в сад, почитал “Словарь XI-XVII вв.” и пожалел на минутку, что нету на столе пишущей немецкой машинки “Мерседес”, на которой я выстукивал когда-то роман. Опять хочется заниматься письменным делом, к вечеру вылёживаться

с книжкой, с тем же “Словарём”, в котором обязательно найдётся что подчеркнуть с умилением.

“По осьмогласному поют...” (“ангелодобное пение, изрядное осьмогласие”). Так бы и словами пропеть, да не складывается. Представить когда-то не мог, что редкостью станет не тягучее моё житие в Пересыпи, а путешествие сюда — всего-навсего!

Снова рябит двор под деревьями и виноградом, вижу старые знакомые дорожки, заборы, двери, вылазку в сад, камыш за огородом. Снова передо мною великий этот “Словарь”, вот перевернул листик и выделил строчку, тотчас почему-то вспомнил дальнего друга: “Оскудеете очи мои слезами” и далее: “Аще бо оскудеет разумом во старости отец ваш или мати ваша, не бешествуйте его, не укоряйте”. Подчёркивал это 5 ноября 1997 года, когда мать моя лежала больная пятый месяц. Вдруг пугливо вздрогнул и сказал себе: “Надо побережься и поскорей дописать, заполнить амбарные книги, поставить точку...”

Буду ещё несколько месяцев в хатке с белым низким потолком теснее жить на бумаге со всеми, кого нельзя позабыть, потом уж воспоминания станут летучими искорками...

О Господи...

НЕ ОТВЕРЖИ МЕНЕ ВО ВРЕМЯ СТАРОСТИ

Не могу найти пластинку, которую купил и подарил мне в 70-м году в Вологде Василий Белов.

— Когда станешь, — сказал, — стариком, слушай и молись. Древние распевы, от них отстал русский человек. Тут и Максим Березовский, Бортнянский и другое...

Неужели подоспели и мои прощальные сроки?

— Как бы я хотел сейчас, в этот морозный день, сидеть в маленькой моей хате в Пересыпи, в комнатке с тремя окнами на улицу и одним в сад, читать письма Константина Леонтьева к Тertiю Филиппову и к матери Федосье. Старой печки, топившейся углем и дровами, нет, вместо неё стена с газовой заслонкой, я поджжёт бы, стена нагрелась, и в глухой тишине читал бы, что-то выписывал, потом писал своё. Матушка смотрела бы на меня со стены.

Даже этого покоя я лишен. Там, в огороде и в саду, тоскуют по мне деревья. Прозябаю в городской квартире и нечаянно слушаю музыкальные изобретения Бориса Гребенщикова, который всякими “слоями” зачислен в гении.

И только вишнёвая настойка утешает меня.

Я звоню художнику, который принёс мне бутылочку. “Вам на тихую праздность”, — сказал он с улыбкой.

— Это сравнимо... — поблагодарил я его, — ...это сравнимо с картиной Тициана или Караваджо.

Лестная моя шутка понравилась ему, и он подарил мне ещё одну бутылочку посолидней.

А в телевизионном окне долго торчал бородатый гитарист, пел и не стыдился своих мёртвых сочинений.

Эх, если бы занесло меня мгновенно в Пересыпь, и я там в углу отыскал пластинку с записями хора Юрлова, давно умершего, то послушал бы я распев Березовского “Не отвержи мене во время старости”.

И взял бы я с собой “Старческие советы подвижников благочестия”. Как только разверну её, архимандрит Феофан Новозерский благословляет меня мудрым напутствием: “Жизнь духовная должна быть проста, чистосердечна, кратка, благопокорлива, и паче смиренна”.

Тишиной и покорностью покрыты двор и огород, протока и очертание горы Бориса и Глеба на краю неба.

Ходить бы по берегу и по огороду медленно, подолгу лежать на диване с книгой, слушать распев Максима Березовского “Не отвержи мене во время старости”.

НЕЧАЯННАЯ СУДЬБА

— Вот мимо этих станиц мы с Ольгой везли свой чемодан в хутор Новоокровский... Эти же извилистые горные полосы слева за Северной, Холмской, Ахтырской напоминали о Кавказе, о том, что за ними спряталось Чёрное море. Каждый раз тихо, затаённо волнуясь. Горы как бы укалывают мою память: ну, ну, обернись... Где тот ваш чемодан? Какой была тогда твоя молодая жена Ольга? Почему вы ехали робко, словно вас куда-то выслали в наказание? Ехали и не знали, что с вами будет, а теперь чего ждёте? Мы тоже постарели, но это никому не заметно.

Василий Иванович, украшенный тонкими усами, с улыбкой слушал меня, не перебивал. Я больше ста вёрст громко припоминал что-нибудь, а то, о чём промолчал, и не выразишь, оно протечёт в тебе струйкой и осядет куда-то в глубину. Я привлекал внимание товарища к какому-нибудь повороту, к старому проезду через железную дорогу, к пустому углу, где когда-то стояло нечто примечательное. Забытая мною в свежих днях моя жизнь вынималась отовсюду, на что глядел я когда-то, мимо чего проезжал-проходил.

Всегда я в таком пути дивлюсь тому, что случилось со мною, что уготовил мне Господь заранее, но я ещё не знал.

— Спуск к Адагуму всегда волнует... Крохотное селение.

Торговые прилавки под укрытием сбоку дороги были, кажется, всегда. Они пустые и как-то особо щемят: кто-то оживляет их собою не каждый день с утра и бросает. В архиве есть “дела” Адагумского полка, не тут ли и были стычки с черкесами? Как неизвестна была в ту осень моя судьба. Начиналось наше учительство. В селе. И до каких пор? Так и суждено закопаться в каком-то хуторе? Кто вытащит? Мы ещё об этом не думали. Знали лишь, что придётся привыкать к незнакомым людям и отбывать сорокапятиминутные уроки.

Адагумская низина с жильём по сторонам от дороги тоже могла стать первой моей учительской пристанью, но что-то поберегло меня для литературы.

— Вон башенка с часами. Самодельного мастера. Также памятник моей сельской жизни. Сейчас будет поворот на хутор и чуть впереди — проезд, будочка, шлагбаум на железной дороге. Дальше начинается Варениковская. Сколько потом ни проезжал — душа почему-то грустила. Пешком ходил из хутора в станицу. Учитель. И не подумывал стать литератором. Сразу как-то смирился, что отныне мне суждено проверять школьные тетрадки.

— О рассказике каком-нибудь не думали? Стихов не писали?..

— Что ты, что ты... Читал только. В станице купил журнал “Знамя” из-за рассказа Юрия Казакова “Вон бежит собака”. Певучий талант его понравился мне. В “Неделе”, помню, Паустовский печатал “Наедине с осенью”. Это всё так далеко и высоко было: писатели, журналы. Где-то под небесами. Тогда вокруг самой литературы царил тихий трепет, от любимых писателей ждали обещанных вещей, от того же Паустовского ждали продолжения “Повести о жизни”, от Шолохова — “Поднятой целины”. Само слово “писатель” звучало классически, недоступно: это какие-то особые люди, почти боги. Заграничное русское было запрещено, проникало по капельке. Осенью дружок привёз мне однотомник Бунина, издательство “Московский рабочий” наконец-то осмелилось напечатать “Жизнь Арсеньева”. Но кусочек про похороны великого князя Николая Николаевича в Ницце вырезали. Кто-то потом эту реликвию у меня украл. В “Знамени” же рассказывали о себе Георгий Семёнов, Василий Аксёнов, Глеб Горьшин. Уже они взошли. Что ты... разве мог я даже прикинуть, что буду с ними выпивать в Доме литераторов, дарственные книжки принимать! Через два года поеду в Тарусу к Юрию Казакову, будем шишками растапливать железную печку с трубой и возмущаться, как Хрущёв в марте орал на писателей, на Евтушенко там и прочих. А через четыре года я уже попаду в собрание сочинений Бунина: Твардовский в предисловии к девятитому тому упомянет меня вместе с Васей Беловым и тем же Казаковым. Вот какие чудеса бывают, если их не ждёшь. Здесь ли, где мы сейчас поворачиваем, в этой ли аллее сбоку, где я на обратном пути из Варениковской пел Окуджаву (“По Смоленской дороге леса,

леса, леса, на Смоленской дороге столбы гудят, гудят”), мог я на что-то такое рассчитывать? Да ни за что. Шёл проверять тетрадки. Жили без телевизора, скучали, вечерами порою отключался свет. Луна как-то романсово светила над долиной, над дубами. Тут мы с Ольгой и сгрузились, вышли из автобуса и на этом вот, смотри, месте стали ждать попутку. Попутка приняла нас, я с чемоданом — в кузов, Ольга — в кабину.

Василий Иванович как-то заколдованно утянулся душой в моё прошлое, взгляд устремил в силуэты лесных холмов, пожил мгновение вместе со мной.

— Так нечаянно старится жизнь... — сказал я сам себе. — Была ма-тушка в Сибири. Узнает она, что есть Варениковская станица, хутор.

Уже раскрылась долина, дорога сейчас потеряется у низкого косогора, повернём, и полоса выправится прямо на хутор Свет.

— Мне подарили серебристую фляжечку, я иногда беру её с собой. Но не пустую. Не попросить ли ваше степенство, Василий Иванович, отглотнуть чарочку в честь бывшего учителя школы-интерната для умственно-отсталых детей?

Я шутил, но стало мне грустно.

— Учитель этот не знал, что когда-то на этом же повороте, у которого он всегда закуривал и, выкликая отовсюду из городов друзей, считал их счастливей, да, на этом месте будет дразнить стопочкой коньяка художника, педагога в инвалидной студии ещё не родившегося Василия Ивановича, который повезёт его в ту же школу, но уже со здоровыми детьми на... коронование.

— На присвоение этой школе имени писателя...

Мы помолчали. Я спрятал фляжечку в сумку.

— Поглядим на ту сторону. Нам можно было с трассы свернуть раньше — там над речкой (её не видно в зарослях) тоже дорога к хутору, на усадьбу и дальше к улице с домами. Ещё недавно турки-месхетинцы жили. Хутор Микояна был. Такое же небо. Такое же широкое поле. И ощущение то же: кто-то там живёт. Тут я ходил. Из хутора в станицу и назад. Всегда ждал меня этот поворот. Обойдёшь косогор, и всё видно до первых хат хутора Свет. Душе одиноко. Мать в Сибири. Друзья далеко. Только что учился, ночевал в общежитии. Театры, шум, огни. И вот тишина, поле, теперь будешь жить тут. Ольга моя присмирела. Было это при Хрущёве. Помню, Хрущёв Сталина вынес из мавзолея. Во Франции был генерал де Голль, в Америке — Кеннеди, в Англии, кажется, Макмиллан. Нас направляли в Чечню, мы съездили в Грозный, побывали в Шали, там, где при Ельцине творилась заварушка, но мы в Чечне почему-то не понадобились, нас отпустили, и я помню — возвращались назад, и я в “Иностранной литературе” читал “Опасное лето” Хемингуэя, тогда им увлекались всею. Матушка Ольгина по каким-то связям пристроила сюда, в эту благословенную долину. Мне, как оказалось, на литературное счастье. А могло быть разное. Тогда могли послать и в Среднюю Азию, и на Кавказ, и не было бы у меня Терентия Кузьмича и Марии Матвеевны, и, ей-Богу, мне кажется, не пропелось бы у меня никогда так, как на четырёх страничках о них, и, главное, не вынесло бы меня вверх, пропал бы я в учительстве с тетрадками и ма-тушку бы в Пересышь не перевёз. Другая бы судьба была. Только раз или два пролегла бы для меня дорога в Тамань. Вот, Василий Иванович, куда ты меня везёшь.

С левой стороны кудрявой стеной закрывался хутор Новопокровский. А мы притормозили в хуторе Свет.

— Так же мы тогда приехали. Эта же черкесская речка Псебепе про-рывалась сквозь зелень. На перекате камни видны. Перешли. Слева поле, прямо вдаль белый магазин, в стороне усадьба, повыше гористый лесок и справа начало хутора. Роскошные дубы у дороги я увидел потом. И над хутором тоже.

И чувство не отстает: чужое место, чужие люди, появились мы на ка-кую-то долю. Идём к дому директора с белыми стенами, под старым дубом. Ещё не знаем, что досталась нам бывшая усадьба графа Сумарокова-Эль-стона, Наказного казачьего атамана при государе Александре Втором,

а дом директора занимал управляющий именем, а школа — наверное, для самого графа. Потом, когда буду писать роман о Екатеринодаре, я немножко кое-что раскопаю. А тогда говорили так: “какой-то помещик владел”. После революции всё позабыли. “Теперь господ нету”.

Василий Иванович осторожно тронулся с места, и мы потянулись дальше. Я после не раз приезжал сюда к брянским старикам, так что особого удивления не испытывал, но всегда удалялся в свою первую осень и зиму и грустил.

— Хотел бы я опять пережить те первые часы в усадьбе, которая дарована была мне словно затем, чтобы я под графскою тенью проникся судьбою царской старины и через десять лет принялся за роман “Наш маленький Париж”. Да, как будто нарочно случился такой дар.

— И ещё, — сказал Василий Иванович, — предназначалась вам встреча с брянскими стариками.

— На другой стороне Псебепса. Мы подъезжаем как раз к полянке, где я их впервые увидел. Терентий Кузьмич “скот пастевал”, пригнал на обед. Мария Матвеевна принесла ему с горки обед. А тут я иду. Можно картину писать: встреча, которая определила судьбу учителя. “Здравствуйте... — Здравствуй, добрый человек. Ты кто будешь? — А я из детдома, завучем служу. — Молочка влить тебе? Я старику своему принесла, хватит всем. Хозяйка твоя привыкла к деревне? Городские, они нежные...” Так познакомились. Мне так и кажется, что я ничем бы так не вдохновился и не было бы мне такой волшебной удачи. На юге хохлы гакают, а тут вдруг иная речь. “Я такая жыланная, последним накормлю”, “Моя жизнь далёкая и глубокая, и большая”, “Ничиво нет на свете жалчей дитя”, “Глухой не расчуит, дак выдумаит”. Заслушаешься. Я сразу загремел после рассказа о них. Иногда с ужасом думал: а если бы я не познакомился в тот день? Так бы и уехал, и брянской их речи не услышал, и рассказа не было бы. И вообще...

Я как-то испуганно помолчал, увидел себя вдалеке времени сельским учителем.

— Директор принял нас в свою семью, у него ночевали, пока нам не приготовили комнаты в длинном вытянутом жилище за колодцем с воротом и ведром на цепи. Жилья нет, снесли. С директорской полки брал подписные тома Джека Лондона, Стендаля, и ничто мне не намекало, что я сам возьмусь стряпать тексты. Теперь я боюсь за того недавнего студента, тяжёлая доля его ожидала, а тогда этот студент (я самый) далеко не заглядывал. Через месяц выписал газету “Литература и жизнь”, и глуховатый почтальон, возивший почту из Варениковской верхом на лошади, дружески протягивал её мне раз в неделю. Какая была хрупкая пора! — опять вдруг задрожит моя душа, если вспомню тот миг. Все загадочно. Уже на небесах было исчислено, что я напишу “Чалдонки”, “Люблю тебя светло”, “Наш маленький Париж”? А если бы я исчез раньше? Как зыбко все устроено.

Василий Иванович сочувствовал мне, вытерпел ещё одно моё молчание.

— Брянские старики и не подозревали, куда выпроводили они меня. Не узнал бы я близко ни Твардовского, ни Казакова, ни Домбровского, ни Белова с Распутиным, и никогда бы не сдружился с Потаниным (и учительское письмо ему побоялся бы отправить в Утятку), если бы... кхм... если бы как-то в обед не пригнал Терентий Кузьмич скотинку к речке Псебепс и не приветила словом Мария Матвеевна... Или не так? В Кремле не сживал бы в том белом зале, где хлопали Сталину. Не поднялся в Изборске на Труворово городище к кресту князя и оттуда не поглядел на съёмки “Андрея Рублёва”. Не получал бы из Парижа писем от друзей Бунина. Не разговаривал бы с Анастасией Цветаевой в Коктебеле о нашей сибирской Кыштовке, где она отбывала ссылку. В Тригорское и в Ясную Поляну не приезжал бы к друзьям. Главное же (всё повторяю) — матушка моя не жила бы в Пересыпи на улице Чапаева, 3.

Не по мелкому дну, а по крепкому мостику переехали мы всё ту же речку Псебепс, и тотчас по правую руку обнаружили в чаще дубы. Мы задержались на мгновение и молча поклонились им. Василий Иванович увековечил их щелчками фотоаппарата.

— Да ведь и мимо них ходил я... Поезжай-ка до магазина, налево и мимо директорского дома, там сбоку ещё дуб стоял, не вижу отсюда, и дальше сразу наискосок... я покажу вам мой дуб заветный.... Стой. Я пройду к нему.

Дуб стоял сбоку, тяжёлый и широкий, и одна его толстая ветка выпрямлялась к тропе в школу, висела над ней перекрытием.

— Здравствуй... — тайно откликнулась моя душа. — Всё такой же... И так же привычно мимо тебя идут, едут в хутор Микояна, к повороту на Адагум. Небось и граф Сумароков проезжал... Где он, целый век? Давно уж его забыли. Давно черкесы ушли, неизвестно, где был аул Псебепс. Всё переменилось, а ты рос на своём месте, стоишь и стоишь, как будто никому не нужный. Дай я потрогаю тебя. Спинай прислонюсь. Василий Иванович снимет.

Не говорил я так, не шептал, не думал стройно, оно всё облачком протекло надо мною, оно вынулось из долгого времени, откуда-то с небес ли, из колец самого дуба, из души моей...

— Не только князю Андрею Болконскому в “Войне и мире” можно было вздохнуть возле старого дуба, но и такому простолюдину, как я, через век, даже больше, и в таком же возрасте (двадцать пять лет) повстречать у дороги в графскую усадьбу дуб, да к тому же черкесский, свидетель покорения Кавказа. Вот. И хорошо, и грустно. Как будто и я прожил века... Вот, Василий Иванович, куда мы с Ольгой Борисовной приехали с одним чемоданом.

— А сейчас вы везёте ящички с книгами, журналами “Родная Кубань”, иконами, журналами Московской Патриархии.

— Пойдёмте в усадьбу. Нас уже ждут.

В аллее учителя и дети поднесли мне хлеб-соль. Ещё не знал я, что они будут со мной ласковыми, дадут мне свои телефоны и знаки электронной почты, будут просить меня показываться почаще.

В школьном коридоре меня встречали со стены Мария Матвеевна и Терентий Кузьмич Данькины.

На большой фотографии я стою между ними и руками оберегаю сзади их плечи.

“По осени на деревне темнеет рано, всё заметнее убавляется день. И какая запустелая тишина тогда вокруг их хатки, что стоит на горе...”

И выстроятся в спортивном зале ученики, произнесут в мою честь похвальные слова, выйду из почётного ряда и я, поблагодарю, но не смогу затронуть то, что так же, как и у дуба, протекало надо мной долгою судьбою.

После чаешития учителя провожали меня до графского колодца.

— Станьте рядышком, а Василий Иванович нас щёлкнет. Валя Данькина, ты же внучка, становись, Оля, Руфина, потеснее. Смотрите туда, где ничего нет. Шагов сорок, там мы жили. Вот как горько: там, где я читал свежие газеты, “Жизнь Бунина”, топил печку, писал жалобу на директора, курил, — пустота! Всё куда-то делось. Неужели там я писал “Девочку с персиками”? Жила-была девочка Мамонтова, и художник Серов написал её портрет. Раньше открытки стоили 3 копейки, и я купил “Девочку с персиками”, целую пачку, и любил с этих открыток приветствовать друзей и знакомых. А “Брянские” я уж под Анапой написал в конце года. И через два года перестал проверять ученические тетрадки. Вот. А о графе Сумарокове-Эльстоне мы повспоминаем, когда я приеду ещё раз. И о Лёвушке Пушкине, который, может, вон там за рекой и искал с казаками дорогу на Анапу. Господь Бог пожаловал мне эту долину, наверное, для того, чтобы я написал роман у Екатеринодаре. И... постоял с вами у колодца.

Все заулыбались и потом протяжно, ласково глядели на меня, такого почтенного старца, завернувшего к ним в простенькую глушь, а я поверх их головок видел в нынешней пустоте запущенное строение, перила веранды, окошечко, печку в комнатке, репродукцию “Моны Лизы” на стене справа от входа, стол, две тени в углу потолка, две головы — то наши с Ольгой изображения от святающейся лампы...

Я попрощался с учителями, как с сёстрами или племянницами, обнял их всех сразу, попрощался, поехал мимо бывшего директорского дома к дубу, там придержались, помолчали.

— Иногда... — сказал я Василию Ивановичу, — иногда такие, извини, персонажи, как я, кланяются своему счастью там, где когда-то, ну, очень давно, они жили ненадёжно, так себе, как трава растёт. И так бы и рос травой, если бы не... Мария Матвеевна Данькина, если бы не её брянский говорок. “Бабушкой зовут кады старая, годов девяносто”, “На крюку вясить баичка, руками бяруть и колышуть, спать будет дитёнок”.

ВСЕГО ОДНО МГНОВЕНЬЕ

Зачем-то даны была мне не Анапа и Ейск, а Пересыпь и неоседлая Тамань... И эта усадьба графа Сумарокова-Эльстона, а по карте — хутор Новопокровский под станицей Варениковской.

Еду ли от поворота по долине, взгляну у речки Псебепс на белый магазин вдаль и через поле на взгорье с силуэтом школы, узнаю, как близких, тяжёлые дубы у дороги в другой хутор. Покажутся ли моему взору близкий лесной горизонт и смутная полоска того места, где жили брянские старики, тотчас всё сливается в шемящее мгновение, которым означилась моя жизнь в прошлый век, до конца которого было так далеко. Это я тут недолго жил и дышал. Это я тут ничего не знал, каким и когда появлюсь ещё. Это я в никуда не девшемся белом магазине, где продавали калоши, кастрюли, книги и селедку, по многу раз брал сигареты “Прима” или папиросы “Беломорканал”. И продавщица привыкала ко мне, не местному, чужому, обязанному торчать в хуторе вместе с обычными жителями. И вдруг покупатель исчез. И его тихонько позабыли.

Много лет некому будет глядеть в окно на сухой дуб в стороне от колодца, ходить к этому колодцу с ведром, слушать бабу Женю и Михаила Васильевича о белгородской деревне. Пусто и нетоплено будет в двух комнатёнках. Покроется пылью печка. Никто не постучит и не закричит у порога... От голых стен не отражались голоса, как бывало.

А разговаривали-то городские постояльцы громко, особенно горласто кудахтали вечерами друг из Москвы, завлекал всякими историями про артистов и писателей, пел песню “Снег, снег, снег за окошком кружится...”

Мы с Ольгой были довольны, что он не посчитался со временем и проведаль нас в глухом хуторе, добирался из Крыма через пролив, торопливо залез в кузов попутки, везшей бочки с селедкой, голосовал на том же повороте под Варениковской, что и мы в первый раз, “прикостылял” от речки Псебелс к нашей длинной “конюшне”. Я водил его по дороге к дубам, луна всюю светила нам, и мы возвращались, поднимались за магазином в тихий лес, ещё пошпентались на закрытом крыльечке, свет в комнате не зажигали, улеглись и заснули.

Он уже был москвич, на москвичке женился, тесть прославился аж в 20-е годы в спектакле “Дни Турбиных” во МХАТе, и мы с Ольгой слушали всё воскресенье “всякие-разные” закулисные истории про знаменитостей, кои в наши строгие годы не порхали так вольно, как нынче. Да, друг мой залетел в столицу, а мне навек корячился хутор с дубами или городишко вроде Темрюка. Но я ещё не задумывался тревожно о своей доле.

А затвердела та встреча в моей душе не разговорами о том о сём, а прощальной прогулкой по пустой дороге в Варениковскую на автостанцию и моё возвращение в хутор.

Где выбрать мне слова, чтобы передать, какое это было утро в сонной долине и как громко разносились с дороги голоса друзей, и какое таинственное тягучее чувство, словно мелодия, держалось в моей душе? Было наше утро на земле, и мы были молоды, и жизнь ещё только обещала нам желанные радости, перемены, неожиданные несчастья. И были живыми ещё наши матушки, друзья и много знакомых.

Мы вышли в три, Ольгу не будили, луна ещё клонилась к Анапе, речка Псебепс чуть сверкала в зарослях. Пухлые дубы на взгорьях и поблизости

стерегли тишину. Никого наши голоса не разбудили. Серая дорога тянула нас за собой в станицу. С тех пор друг мой объездил весь мир, и помнит ли он эту сельскую ночную простоту — не спрашивал.

Он на миг залетел пожалеть меня, поддержать — ну, какое ждёт друга будущее в хуторе? Придётся потерпеть.

А я так и вижу до сих пор утреннюю автостанцию, во дворе осокорь с последними листьями, у которого мы ждали посадки. Мне было грустно: друг уезжал в Москву, полетит из Краснодара, а я останусь в усадьбе среди дубов, буду проверять ошибки в тетрадках и мечтать о каникулах, когда можно будет повидаться в городе с бывшими сокурсниками и похлопать артистам в театре оперетты. Бедность моих впечатлений будет томить и ранить душу. И я уныло помахал жалеющему меня на прощанье другу и каким-то сразу пустым и брошенным покинул станцию, возле углового белого универмага стоял и так остро почувствовал, что я в станице не здешний, что я вообще после института живу нигде — ни в Новосибирске, ни в Краснодаре, ни в Варениковской, а только отбываю в усадьбе какой-то назначенный, но не известный мне срок, и куда меня с Ольгой закинет жизнь — кто сейчас скажет? А теперь, когда всё давно переменялось, мне всё стало ближе и дороже: и то, что я по-сиротски коротал миг в станице, и магазинчик с книгами в старом казачьем амбаре, и киоск, в котором я скупил московские газеты, парочку художественных журналов и “Огонёк” с напористым видом Хрущёва на обложке. Каждый раз, проезжая краем станицы и возле будочки на переезде, спрашиваю всё вокруг: неужели это я выходил возле заборов к повороту и почему Господь забрал меня отсюда? Так бы ещё на сколько лет прописался я в этом углу. В небесах, может, уже и начерчены были мои кривые дороги и тропы, а я всего лишь загадывал, мечтал и сомневался. Но для чего был мне выбрана эта дорога, черкесская речка, дубы в долине и на горе, близкая Анапа?

За будочкой на переезде железной дороги, по которой поезд ещё не добрался в Анапу, уже станица кончается.

Пройти немного от поворота, и справа будет полоса тоненьких деревьев с узкой аллеей, и я не забыл, что в то утро шёл по ней и напевал модного тогда и ещё не всем доступного Булата Окуджаву: “Эта женщина — увижу и немею. Потому-то, понимаешь, не гляжу. Ах, ни кукушкам, ни гадалкам я не верю и к цыганкам, понимаешь, не хожу”. Тогда ещё столько было в нашей душе наивной тоски и простоты... И пел я ещё подражание Евтушенко народным мотивам: “Бежит река, в тумане тает, бежит она, меня дразня. Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня”. Ещё не всплеснул Николай Рубцов, не пели и попозже в Колонном зале его поклон матери: “В комнате моей светло, это от ночной звезды. Матушка возьмёт ведро, молча принесёт воды”. Месяц спустя я зайду в крохотную библиотеку с одной комнатой и возьму домой журнал “Молодая гвардия” с первым рассказом... артиста Василия Шукшина. А в журнале “Знамя”, который я купил, обнаружится рассказ Юрия Казакова “Вон бежит собака”. Вот вечернее тоскливое чтение и будет моим сельским счастьем...

Зимой снег падал редко и таял в эту же неделю.

Я жалею нынче, что мало записывал, но вот сберётся рваный листочек с моим почерком. С умилением перечитываю порою.

С большого листа, прикреплённого к белой стене, смотрела на нас из своего века “Мона Лиза” Леонардо да Винчи. У Ольги была схожесть с нею, она тайно гордилась этим, вкладывала открытки в свои блокноты, книги. Я помалкивал, но нарочно купил в Варениковской репродукцию и крепил её ночью, когда Ольга спала. Да, печка топилась, в тесных комнатках нам никто не мешал, хватало нам одного стола и двух табуреток; кастрюли и посуду выставили мы на крытую веранду.

Так бы и жили мы неизвестно сколько, и никто бы нам ничего не обещал, никуда не звал, и мой робкий характер и больное ухо сулили мне уводящее будущее. А я уже сказал, что мало думал о своей участи.

В журналах печатались писатели, с которыми всего через три года я буду здороваться в Доме литераторов на улице Герцена, а с некоторыми

и сживать за столиком в Дубовом зале, но в зимней усадьбе мне такое не могло и присниться. Горькой явится другая осень, ещё одна присплет под Анапой, а уже летом я буду в Тарусе на веранде у Казакова и ещё через одну взойду в Алушке в дом Чехова с московскими писателями, увижу то, о чём писал Паустовский в “Заметках на папиросной коробке”. И я же помню, каким был недавно несчастливым и никому в мире не нужным. Как же скоро перелетел я в высокое гнездо! Кто-то свыше коснулся меня милосердием Своим.

Прошло шестьдесят лет, и я пишу это, укрывшись в той же усадьбе в разгар коронавирусной эпидемии по всему белу свету, немислимой в советские времена.

От моего жилища было шагов сорок до круглого колодца и назад к бывшему дому управляющего поменьше. Высокий дуб прислонился к углу дома. На этой поляне время замерло. В моём домашнем досье лежит фотография: молодой учитель выливает из ведра с цепью воду в корытце, а сбоку ждёт водицы колхозная лошадь.

“Боже, верни меня назад”, — просит моя душа. Я опять буду двадцатипятилетним учителем, никому не известным и о путях своих не ведающим. Солнце садилось за Таманью и Керчью, Тамань была моею мечтою, и кто нагадал бы, что через сорок лет матушку мою примет там кладбище первых запорожцев. Все перемены к лучшему случатся так быстро.

ИЛЮШЕ И ВАНЕ

Они и не подозревают, в каком настроении я живу, им некогда обернуться ко мне, что-то спросить, догадаться посочувствовать, они бегут за своей судьбой, как и мы когда-то, как и я, — много ли я переживал, что мать остаётся одна?

Когда я возвращался из месячной поездке в Новосибирск, меня дома никто ни о чём не спрашивал. Вернулся — опять будет помощь, зайдёт на Суворовскую, что-нибудь положит на стол, бесполезно за что-то поругает. Где он там вздыхал на разных новосибирских улицах, кого встречал — это так неважно им, и даже их маме Насте. У какого двоюродного брата ночевал, в какую деревню ездил — зачем им это? Они также не знали, на какой улице я жил и где родилась бабушка Татьяна Андреевна, и даже не знали, что я родился в Топках. Они жили не на земле, а в интернете. Два названия могли они произнести, если бы их спросили, — “Осень в Тамани” и “Наш маленький Париж”. Читать было некогда. Были зато на спектакле в Музыкальном театре.

Я долго не признавался самому себе, что уже состарился, перегнал матушку, ту её пору, когда она ждала меня со Святой земли и потом когда чувствовали меня в театре на шестидесятилетие (а она грустила в хате в Пересыпи), но вот стал просыпаться тревожно, прощально, читаю каждый день “Книгу глаголемую”, давно купленную мною в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры, читаю с тем чувством, что она и писалась, покоряюсь древнему кроткому духу и отмечаю карандашом. Читаю и порою думаю, что вы, Илюша и Ваня, не молитесь, слов Божьих не знаете, в храме не бываете и, наверное, никогда не заглянете в эту книгу, которую я беру в руки с поклоном. Там и великие мужи нашей Руси и святые. Там и сестра благоверного князя Владимира Мономаха Анна, и святые князья Борис и Глеб, и тмутараканский князь Мстислав. А как звучит старорусская речь: “...бшае муж хитр книгам и учению, милостив убогим и вдовицам, ласков же ко всякому богату и убогу, смирен же и кроток, молчалив, речист же, книгами святыми утешая печальные, и сякого не бысть прежде на Руси, ни по нем будет сяк” (о митрополите Иоанне (XII век). Нынешнему люду читать и знать такое скучно. А я выпеваю эти строчки вслух, будто сижу в том монастыре да кое-что выписываю в особую тетрадочку. Стар, стар уже и клонюсь душою ко всем заветным сородичам — к угасшим вековым затворникам и к своей родне: Гайворонским, Бывальцевым, Гольчевым и проч. “Житие преподобного Антония не дошло до нас, хотя оно существовало и в конце XI века...” И мне

жалко, что не дошло. В той Тамани, где вы любите кушать рыбку лобань, бычков, судачка, я тоже раскрываю сию книгу глаголемую. У преподобного Феодосия (Киево-Печерского) под спудом в руке свиток, а в нём написано: “се обещаю вам, братие и отцы, яко аще и телом отхожу от вас, но духом всегда буду с вами”. Понимаете, Илюша и Ваня, что это такое? Есть надежда, что со временем покоритесь преданиям, так как ты, Ваня, сказал мне в грустный свой день: “Как бы мне исповедаться?” Прервусь на странице о летописце Несторе (умер около 1114 года) и выкопаю из папок уцелевшие письма матушки, и перечитаю то, что она как-то написала по моей просьбе. У Нестора же под спудом “...в правой руке перо, а в левой книга и чётки, ризы преподобнические”. Может, не истлели.

ЕЩЁ ОДНА ВЕСНА

Ещё раз здравствуй, двор мой одинокий. Гляжу и всё узнаю.

Вот дверь железная в хату, закрытая, не поломанная, слава Богу. Дверь в баньку. А дверь кухонная на лёгком замочке, тоже никто не тронул. И в гостиную никто вроде не залазил. А библиотека? Широкое окно таинственно скрывает комнату с книжными шкафами. Отворяю вторую железную дверь. Всё так же, всё на месте. И всё, кажется, молча, приветствует меня.

“Мам!” — звал я криком, если не было матери на виду.

А теперь... напоминало о ней молчание стен.

О матери моей, встань же и попроси меня, как бывало: “Витя, возьми сумку и сходи за хлебом...”

ЭХО СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ

После завтрака прилёт на диван закапать глаза, глядел, как обычно,

На Ольгину бабушку Мавру, её деда и между ними маленькую девочку Надю, жалел их и думал о себе. На спинке дивана краснел узкий блокнот, я его выбрал из тесноты и захотел перелистать, там записи моих первых литературных поездок в Москву, первых встреч с писателями и кое-что другое.

И застрял меж страниц пригласительный лощёный листочек, тотчас горько ранивший меня отзвуком былых времён.

“Правление Ордена Ленина Союза писателей СССР приглашает Лихоносова В. И. пожаловать на приём по случаю окончания Пятого съезда писателей СССР в пятницу 3 июля 1971 года в 12 ч. Приём состоится в Большом банкетном зале Кремлёвского Дворца съездов”.

Всех сразу вспомнил, увидел, помянул — уж никого почти нету на грешной земле.

СЕМЕНА ЖИЗНИ

Какой нынче день, какое число — зачем знать? Всё непрерывно, молчаливо живёт вокруг. Но всё-таки я чувствую, как одна весна сменяет другую и подрастают в огороде деревья.

Я подхожу к поломанному рассаднику и вспоминаю, что обгоразивали мы его свежими досками перед моей поездкой в Америку. А смородина подмёрзла недавно. Уже весна. Уеду — огород будет ещё голый, а вернусь — всё уже взойдёт. И радость смешается с тоненьким вскриком: о, как летят дни, и природа не считается с тревогой людской. Опять будет пробуждение, пышность ласкового лета. Земля ждёт дождя, а его нет и нет: срываются с неба сиротливые капли и гаснут в песке; листья на фундуке, грецком орехе и яблоньке вздрогнут и опять замрут. Всё рвётся к жизни. Вдоль забора, возле картошки, разводит листочки календула. Укропчик пророс, надо убрать его от сорняка. Отцвели миндаль, вишня, я подрезал в марте ветки. Хорошо пошла вверх айва.

Надо поставить опору, косые ветки клонятся вниз. Уже прихватило пятнами орех, никак не наберёт силу помидорная рассада. Скоро запахнет мята.